

Буддизм во внешней политике государства: опыт Монголии

Владимир Александрович Родионов,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, rodionovva@bsu.ru

Аннотация. Одним из проявлений эпохи постсекулярности является увеличение роли религиозного фактора в международных отношениях. Буддизм по ряду причин представляет собой удобный инструмент для ведения внешней политики несиловыми методами. Вместе с тем вопрос о роли буддизма во внешней политике до последнего времени рассматривался преимущественно в связи со стратегиями великих держав. Учитывая данное обстоятельство, в статье предпринимается попытка выявить основные черты и особенности использования буддизма во внешней политике Монголии как страны со сравнительно ограниченным внешнеполитическим потенциалом. В теоретическом отношении исследование основывается на концепции постсекулярности и теории "мягкой силы". Исследование опирается на компаративистский метод, применяемый при изучении роли буддизма во внешнеполитических стратегиях Китая, Индии и России как великих держав, а также Монголии как малой страны. Анализу подвергаются соответствующие официальные документы и материалы СМИ Монголии. Также применяется дискурсивный подход, позволяющий выявить смысловую подоплеку буддийского фактора во внешней политике Улан-Батора. Было установлено, что Монголия, будучи малой страной, использует буддийский фактор в своих отношениях с внешним миром не столько для продвижения своего влияния на иные страны, сколько как способ формирования и укрепления национальной идентичности и безопасности. При этом у Монголии есть потенциал для более активного использования буддизма во внешнеполитической деятельности посредством института Богдо-гэгэна.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, внешняя политика, постсекулярность, мягкая сила, буддийская дипломатия, Богдо-гэгээн

Исследование проведено в рамках гранта РФ "Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии", № 24–48–03022.

Для цитирования: Родионов В. А. Буддизм во внешней политике государства: опыт Монголии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 53–61.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Buddhism in State Foreign Policy: Mongolia case

Vladimir A. Rodionov
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, rodionovva@bsu.ru

Abstract. One of the manifestations of the post-secular era is the increasing role of religion in international relations. For a number of reasons, Buddhism offers a useful tool for conducting foreign policy through non-military means. However, until recently, the role of Buddhism in foreign policy has been considered primarily in relation to the strategies of great powers. Given this circumstance, this article attempts to identify the key features and characteristics of Buddhism's use in Mongolia's foreign policy, a country with comparatively limited foreign policy potential. Theoretically, the study is based on the concept of post-secularism and the theory of "soft power." The study draws on a comparative method applied to the study of Buddhism's role in the foreign policy strategies of China, India, and Russia, all great powers, and Mongolia, a small country. Relevant official documents and Mongolian media materials are analyzed. A discursive approach is also employed to uncover the underlying meaning of the Buddhist factor in Ulaanbaatar's foreign policy. It was found that Mongolia, as a small country, utilizes the Buddhist factor in its relations with the outside world not so much to advance its influence over other countries, but rather as a means of shaping and strengthening national identity and security. At the same time, Mongolia has the potential to more actively utilize Buddhism in its foreign policy through the institution of the Bogdo Gegen.

Key words: Buddhism, Mongolia, foreign policy, postsecularity, soft power, Buddhist diplomacy, Bogdo Gege

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-48-03022, project "Traditional Buddhism, Postsecularity, and Contemporary Socio-Political Processes in Russia and Mongolia".

For citation: Rodionov V. A. Buddhism in State Foreign Policy: Mongolia case // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 53–61. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Под влиянием событий последних лет во многих экспертных кругах расхожим стал тезис о возвращении примата военной силы в международные отношения. Вторая Нагорно-Карабахская война 2020 г., продолжающийся украинский кризис, война Израиля в Газе, индо-пакистанский конфликт весны 2025 г., американо-израильская агрессия против Ирана в 2025 и в 2026 гг. – вот далеко неполный перечень наиболее известных современных вооружённых конфликтов. На этом фоне вопрос о роли и месте несиловых методов (концептуально оформленных понятием "мягкая сила") в международной политике ушёл на задний план, а по мнению некоторых экспертов, вообще стал неактуальным [8; 12].

Между тем, востребованность несиловых методов в международных отношениях, на наш взгляд, остается высокой. Любой военный конфликт рано или поздно заканчивается, и на смену ему приходит необходимость мирного сосуществования с характерным для него скрытым соперничеством за влияние. Кроме того, даже в ходе военных действий информационное сопровождение и идеологические приемы являются сопутствующими инструментами. Наконец, сама эскалация конфликтности в международных отношениях по-новому ставит вопрос о потенциале переговорного процесса, дипломатии и миротворчестве.

Среди большого разнообразия инструментов мягкой силы отдельное место занимает религия, что определяется такими факторами, как её ориентированность на морально-нравственные установки и ценности, укорененность в истории и культурных традициях многих народов, институциональная оформленность. В конечном итоге религия по своей природе направлена на завоевание "умов и сердец" широких масс населения. При этом за редким исключением религия не была основным предметом исследований теоретиков мягкой силы [29].

Ситуация сосуществования и взаимовлияния религиозных и нерелигиозных институтов, в том числе в политической сфере, описана в концепции постсекуляризма, нашедшей своё отражение в трудах Ю. Хабермаса [19], Т. Асада [27], Х. Казанова [28]. Значимым постулатом данной теории является отказ от противопоставления религиозного и нерелигиозного как неспособных к сосуществованию явлений. При этом речь может идти не столько о возвращении общества к моделям досекулярной эпохи, сколько о появлении своеобразных гибридов из светских и религиозных институтов, в том числе на международно-политической арене. Эпоха постсекулярности с характерным для неё кризисом классических светских моделей общественно-государственных отношений и одновременным ростом интереса к религиозным нормам и установкам также создает новый контекст применения религии во внешней политике государств.

Активными игроками в поле религиозной внешней политики традиционно выступают Римско-католическая церковь и ряд стран исламского мира. США открыто демонстрируют готовность играть на религиозном поле, решая свои международно-политические задачи. Например, по инициативе Вашингтона в феврале 2020 г. был создан "Международный альянс религиозной свободы" (объявлен "нежелательной организацией" в России), преследующий такую сугубо политическую задачу, как "защита религиозных меньшинств во всех регионах мира" [27]. Православный фактор также имеет не последнее значение в отношениях России с внешним миром. Так, по словам главы МИД РФ С. В. Лаврова, "отечественная дипломатия и Русская православная церковь решают общие задачи и проблемы в сфере противодействия проявлениям ксенофобии и расизма, этнического и религиозного раскола мира; осуществляют миротворческую миссию на постсоветском пространстве" [1, с. 8]. Иными словами, примеров применения религии во внешнеполитической деятельности современных государств достаточно для того, чтобы сделать вывод о своеобразном "возвращении" религиозного фактора в мировую политику.

Буддизм как одна из трёх мировых религий не является исключением и в силу ряда причин может быть рассмотрен в качестве важного инструмента мягкой силы. Во-первых, статус буддизма как мировой религии, имеющей сотни миллионов сторонников в разных странах и на разных континентах, создаёт широкую демографическую основу для его применения. Во-вторых, разветвленные сети буддийских международных организаций (среди прочих выделяются Азиатская буддийская конференция за мир, Всемирное братство буддистов, Международная буддийская конфедерация) являются удобной институциональной основой для продвижения буддийских идей и ценностей в мире. В-третьих, принципы ненасилия (ахимса) и согласия, мира и гармонии как популярные (привлекательные) атрибуты буддизма, т. е. всё то, что можно отнести к категории "несилового воздействия", делают эту религию, наверное, самой близкой к понятию "мягкая сила". Как пишет известный буддолог Л. Е. Янгутов, "одной из главных черт буддизма, которая составляет его суть как фактора мягкой силы, является толерантность, определяющая внутрен-

нее содержание его философских и религиозных принципов, а также внешнее лицо его политической и социальной практики" [20, с. 50].

В современном мире буддийская дипломатия – одно из направлений в политике ряда великих держав.

Для КНР буддизм является важнейшим инструментом усиления своего влияния в отношениях с рядом буддийских стран Азии. Китайская сторона делает основной акцент на почти двухтысячелетнем историческом опыте поддержания буддийской традиции в Поднебесной после вытеснения буддизма из Индии. Глава государственного управления по делам религии Е Сяовэнь на Всемирном форуме буддистов в 2006 г., организованном китайской стороной, обозначил буддизм в качестве компонента китайской традиционной культуры, а сам Китай назвал "буддийской нацией" [20, с. 53]. Тем самым создается образ Китая как центра буддийского мира, способного привести человечество к гармонии и процветанию. Наличие на территории Китая значительного количества буддийских реликвий позволяет ему использовать их в дипломатических целях. Например, КНР периодически вывозит зуб Будды, одну из телесных буддийских реликвий, в соседние страны с целью нормализации и улучшения двусторонних отношений [15]. Немалое внимание Китай уделяет культурному обмену, проводя зарубежные выставки по буддийскому искусству [14, с. 295].

Индия по праву может быть отнесена к ещё одной стране, активно использующей буддизм в своих интересах. В концептуальном плане выделяется продвигаемый Нью-Дели дискурс об Индии как родине Будды Шакьямуни и его учения. Тем самым Индия, как и Китай, выдвигает свои претензии на право называться духовным центром всех буддистов мира, наращивая своё влияние на соседние страны с буддийским населением. Как и китайская сторона, индийское руководство организует на своей территории международные буддийские мероприятия. Так, в 2011 г. был проведён Глобальный буддистский конгресс, собравший учёных и монахов из 32 стран мира [15]. Предоставление политического убежища на индийской территории для тибетского правительства в изгнании во многом определяет вектор буддийской дипломатии Нью-Дели. Культивируется образ Индии как защитницы тибетских буддистов от преследований со стороны Китая и тем самым повышается её престиж в глазах многих буддистов не только в Азии, но и в странах Запада.

Примером использования буддийского фактора во внешнеполитической стратегии является и политика Российской Федерации. Несмотря на тот факт, что доля буддистов среди российских граждан не превышает 1%, государство уделяет этой религии заметное внимание. Буддизм относится к одной из т. н. "четырёх традиционных религий" России. Глава Буддийской традиционной сангхи России, Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев, входит в состав совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. В историческом дискурсе Россия позиционируется как первая европейская страна, официально признавшая буддизм на своей территории и воздвигшая первый буддийский храм в Европе (в Санкт-Петербурге в 1915 г.) [6]. Начиная с 2023 г., на территории России ежегодно проводятся международные буддийские форумы, за проведением которых можно увидеть ряд внешнеполитических задач Москвы. Это и противодействие попыткам международной изоляции со стороны Запада (форумы принимали представителей из многих стран мира), и позиционирование России на международной арене как страны с мирным и гармоничным сосуществованием разных конфессий, и создание новой площадки для диалога и сотрудничества с негосударственными организациями буддийских стран.

При всех нюансах и отличиях буддийской дипломатии указанных выше стран можно выделить общие моменты. С одной стороны, Москва, Пекин и Нью-Дели видят в буддизме возможность укрепить собственный авторитет на международной арене, улучшить отношения с соседними странами, используя различные мероприятия и организации с буддийской повесткой. С другой стороны, для всех трёх стран, которые характеризуются как многонациональные и многоконфессиональные, буддизм видится фактором укрепления внутренней стабильности, а поддержка лояльных государству буддийских институтов – способом противодействия сепаратизму и угрозам.

Современная Монголия, несмотря на свой сравнительно скромный внешнеполитический потенциал, по-своему стремится использовать имеющиеся у неё ресурсы для укрепления своей безопасности и защиты национально-го суверенитета. Среди прочих ресурсов мягкой силы, которыми располагает Монголия, одним из наиболее перспективных, видится буддизм.

Для начала стоит напомнить, что Монголия обладает определённым историческим опытом использования буддизма в своих внешнеполитических интересах. Несмотря на политику государственного атеизма, Монгольская Народная Республика прибегала к буддийской дипломатии при решении некоторых внешнеполитических задач. Пожалуй, самым известным проявлением этого стало создание в 1970 г. по инициативе Улан-Батора и Москвы международной организации "Азиатская буддийская конференция за мир". Исторический контекст, в условиях которого появилась и стала действовать данная организация, был обусловлен американской агрессией во Вьетнаме и развивающимся конфликтом просоветского блока с КНР [16, с. 247]. Как указывают А. С. Железняков и С. В. Никифоров, данная организация стала "монгольско-советской альтернативой буддийским институтам "мягкой силы", развиваемым США и КНР" [7, с. 192].

С началом новой страницы в истории Монголии, отказавшейся в начале 1990-х гг. от социалистической модели, общественно-политическая роль буддизма в стране значительно возросла. Несмотря на закреплённый в действующей конституции страны принцип равенства всех религий и сохранённое отделение государства от церкви ("Государство не может осуществлять религиозную деятельность, а религия не вправе заниматься политической деятельностью" (статья 9) [21]), власти страны многократно обозначали свое особое отношение к буддизму как "национальной традиционной религии" (монг. үндэсний уламжлалт шашин).

В той же 9-й статье конституции прописано, что "в Монголии государство уважает религию, а религия почитает государство" [21]. В этом просматривается своеобразная отсылка к политико-правовой доктрине "Два закона" (монг. Хоёр ёс) эпохи монгольской империи Юань, в рамках которой власть монарха должна была гармонично сосуществовать с буддийской религией [9, с. 163]. Особый статус буддизма прописан в Законе "Об отношениях между государством и церковью". В частности, статья 4 утверждает, что "Монголия уважает доминирующее положение (монг. зонхилох байр суурь) буддизма, обеспечивающего народное единство (монг. ард түмний эв нэгдэл) и являющегося частью культурной истории" [22]. Концепция национальной безопасности Монголии содержит тезис о том, что "возрождение и развитие буддийской религии... является одной из задач обеспечения цивилизационной безопасности страны" [23].

Буддизму уделяется особое внимание не только на нормативно-правовом уровне, но и в практической деятельности монгольского государства. Третий президент Монголии Намбарын Энхбаяр, проявляя личный интерес к буддизму, переводил буддийские тексты и книги, способствовал визиту Далай-ламы XIV в страну в 2006 г. [18, с. 97]. Ежегодно в качестве государственного праздника отмечается День рождения Будды. Начиная с 2014 г. день монгольской столицы организовывается совместно с монастырём Гандан, а сами празднования сопровождаются церемонией почитания четырёх священных гор столицы Монголии [4]. На интронизации нового главы Ассоциации буддистов Монголии 18 ноября 2023 г. среди прочих присутствовал спикер Великого государственного хурала (парламента страны) Гомбожавын Занданшатар [3]. Все эти факты дают основания некоторым исследователям говорить о высокой роли религии в политической культуре современной Монголии [20, с. 65].

Монголия, в отличие от таких великих держав, как Россия, Китай, Индия по многим параметрам может быть отнесена к категории "малых стран". Такие показатели Монголии, как объём экономики, численность и качество вооружённых сил, демографический потенциал, не идут ни в какое сравнение с аналогичными показателями России, Китая и Индии. Кроме того, Монголия в большей степени буддийская по составу населения страна (52% граждан страны исповедуют буддизм [25, с. 61]), нежели вышеперечисленные державы. Данные обстоятельства накладывают некоторые особенности на "буддийскую

стратегию" Улан-Батора. Во-первых, Монголия на фоне возможностей великих держав существенно ограничена в финансово-материальном обеспечении своей буддийской дипломатии и вынуждена делать акцент на нематериальных (символических) аспектах. Во-вторых, для Монголии буддийский фактор существует в переплетении внешней политики и вопросов национально-религиозной идентичности. В-третьих, статус малой буддийской страны делает попытки Улан-Батора использовать буддизм в своей внешней политике более естественными и менее амбициозными в глазах мирового сообщества.

Расширение связей со значимыми игроками мировой политики для Улан-Батора является одной из важнейших внешнеполитических задач. Стремясь сбалансировать влияние географических соседей России и Китая, Монголия прибегает к политике "третьего соседа", под которой понимается группа внерегиональных стран, имеющих свои интересы в Монголии. В этой стратегии буддизм играет роль сближающего фактора с некоторыми внерегиональными государствами. Прежде всего речь идёт об отношениях с Индией.

Буддийский ренессанс в Монголии рубежа 1980–1990-х гг. способствовал активизации контактов религиозных общин двух стран. Буддисты Монголии начали совершать поездки в Индию с целью приобщения к учению Далай-ламы XIV. Кроме того, в Индии получают религиозное образование многие будущие ламы Монголии. Нынешний глава Ассоциации буддистов Монголии хамбо-лама Дуламрагчаагийн Жавзандорж 16 лет обучался в монастыре Гоман [3]. Укреплению монголо-индийских связей в постсоциалистический период активно способствовал Бакула Ринпоче, известный буддийский деятель, в 1990-е гг. бывший послом Индии в Монголии. При его непосредственном участии в стране были основаны новые буддийские храмы и образовательные учреждения [18, с. 475]. Неоднократными являются высказывания политиков двух стран об особой роли буддизма в истории взаимоотношений. Например, президент Монголии Намбарын Энхбаяр в интервью Центральному телевидению Китая (февраль 2006 г.) сказал следующее: "Мы считаем Индию духовным соседним государством, потому что буддийское учение проникло в Монголию из Индии" [24, с. 47].

Индийский исследователь Ш. Сони, рассуждающий о монголо-индийских отношениях, считает, что "буддизм может быть использован в качестве геополитического инструмента Индии в региональной и международной перспективе для решения разнообразных проблем" [29]. Довольно явно просматривается геэкономическая подоплека монголо-индийского сотрудничества. Посредством буддийских каналов развития отношений монгольская сторона стремится диверсифицировать свои торгово-экономические связи, на данный момент завязанные преимущественно на Китае. Примером крупного двустороннего экономического проекта последних лет является строительство в Монголии нефтеперерабатывающего завода на средства кредита, предоставленного индийской стороной [26].

Другой пример своеобразного буддийского моста в дипломатии Улан-Батора – отношения с Королевством Бутан, в котором буддизм имеет статус государственной религии. Как и в случае с Индией, сторонами признается значимость буддийской общности в процессе взаимного сближения. В частности, во время официальной встречи представителей парламентов двух стран в августе 2025 г. отмечалось, что "укрепление двусторонних отношений основано на общих исторических, культурных и религиозных ценностях" [10]. Однако в отличие от монголо-индийских отношений, в которых роль лидера безусловно принадлежит Нью-Дели, в сотрудничестве с Бутаном уже Улан-Батор вправе рассматривать себя как "старший партнёр". Именно по инициативе монгольской стороны Бутан был принят в члены Азиатской буддийской конференции за мир.

Политическая элита Монголии уделяет немалое внимание имиджу "успешной демократической страны, находящейся в окружении авторитарных государств". Этот имидж прежде всего направлен на Запад и призван стать условием привлечения кредитов и инвестиций оттуда. Буддизм в этой схеме играет роль объясняющего фактора успешности и укорененности демократических ценностей в монгольском обществе. Различные эксперты, объясняя природу монгольской демократизации, склонны видеть в этом большую роль буддийской религии. Плуралистическая природа буддийской религии

видится основой демократического режима страны, а мирный характер политической трансформации объясняется "терпимостью и толерантностью, обусловленными традициями буддизма" [2, с. 44]. Выделяются преимущественные характеристики буддизма по сравнению с другими конфессиями, в связи с тем, что многие положения буддизма "близки к ценностям демократического общества" [17, с. 71]. Подобные интерпретации связи буддизма и демократии поддерживаются и некоторыми зарубежными партнерами Монголии. По словам премьер-министра Индии Нарендры Моды, "и индусы, и монголы разделяют общие демократические ценности и общую веру – буддизм, в которой эти ценности находят отражение. И это мощная основа для дальнейшего сближения" [5].

Одним из ключевых вопросов, касающихся буддизма и национальной безопасности Монголии, является тема выявления и легитимизации Богдо-гэгэна Х. Согласно традиции, сложившейся ещё в цинский период истории Монголии, высшие буддийские иерархи страны (богдо-гэгэны) являлись выходцами из Тибета, а сам процесс их легитимизации (поиска и признания) находился под контролем Пекина. В период социализма институт богдо-гэгэнов временно оказался под запретом в Монголии. Однако с началом постсоциалистической трансформации вопрос о возвращении богдо-гэгэнов в страну вновь приобрел громкое звучание. Богдо-гэгэн IX, тесно связанный с Далай-ламой XIV, незадолго до своей смерти в 2012 г. был признан главой Ассоциации буддистов Монголии. Наконец, в 2016 г. перед своим визитом в Монголию Далай-лама XIV объявил о рождении мальчика, который должен стать новым Богдо-гэгэном. В частности, он сообщил, что "...его (Богдо-гэгэна – В. Р.) новое воплощение родилось в Монголии. Однако мальчик сейчас ещё очень мал, и нет нужды спешить с обнародованием (его имени). Когда ему исполнится три, четыре или пять лет, мы посмотрим, как будут обстоять дела. Возвести маленького ребенка на высокий трон – не самое важное. Куда важнее предоставить ему возможность учиться, стать образованным, чтобы он мог вносить свой вклад в процветание буддийской Дхармы" [11].

Это, на первый взгляд, сугубо сакрально-религиозное действо в Монголии воспринимается как мера обеспечения национальной безопасности, что может быть объяснено следующими обстоятельствами. В соседней с Монголией КНР процесс выявления и признания перерожденцев (тулку) находится под строгим контролем со стороны государственных и партийных органов [13, с. 55]. По некоторым данным, китайская сторона даже оказывала давление на монгольские власти, призывая воздержаться от поиска нового Богдо-гэгэна без согласования с Пекином [28]. Возможное появление в будущем нового Далай-ламы XV, подконтрольного Пекину, даёт в руки китайского руководства источник для воздействия на буддийские общины вне Китая, включая монгольскую сангху. В связи с этим признание Далай-ламой XIV нового Богдо-гэгэна в Монголии многим видится игрой на опережение, способом избежать влияния Китая на религиозную сферу страны. Иными словами, имеет место секьюритизация буддизма, то есть превращение его в один из аспектов национальной безопасности.

Рассуждая о перспективах буддийского фактора во внешней политике Монголии, нельзя не отметить следующее обстоятельство. Как известно, в приграничных буддийских регионах России институт перерожденцев до последнего времени не получил развития. В Китае легитимность подконтрольных Пекину перерожденцев (включая Панчен-ламу и возможного Далай-ламу XV) в глазах значительной части международного буддийского сообщества находится под серьёзным вопросом. В этой ситуации фигура монгольского Богдо-гэгэна Х (согласно устоявшейся традиции, богдо-гэгэны являются третьими по значимости иерархами школы гелуг после далай-лам и панчен-лам) способна обрести образ "единственно легитимного верховного иерарха" северного (тибето-монгольского) буддизма. Подобное укрепление религиозного авторитета Богдо-гэгэна Х может привести к серьёзному росту его влияния на приграничные регионы России и Китая с компактным проживанием буддийского населения. Мнение духовного авторитета по тем или иным вопросам, включая политические, станет весомым аргументом для тысяч верующих в зарубежных странах с самыми различными последствиями.

Таким образом, в политическом отношении буддизм используется монгольским государством преимущественно как фактор формирования и укрепления национальной идентичности. Нельзя сказать, что Улан-Батор в своей внешней политике официально декларирует буддизм в качестве инструмента. Власти Монголии открыто не вступают в дискуссии по поводу тех или иных международно-политических вопросов, связанных с буддизмом. Скорее можно говорить о косвенном опосредованном использовании буддизма при достижении некоторых внешнеполитических целей. В то же время существует определённый потенциал для более активного использования буддизма во внешнеполитической деятельности Монголии, что при определённых условиях может стать даже вызовом для национальных интересов соседей Монголии.

Литература / References

1. Безбородов М. И. Внешняя деятельность Русской православной церкви как "мягкая сила" России. *Вестник Поволжского института управления*. 2021. Том 21. № 4. С. 4–11.
Bezborodov M. I. Foreign activities of the Russian Orthodox Church as Russia's "soft power". *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 4–11. (In Russ.)
2. Будаева С. В., Болортуя А. Строительство демократии в Монголии. *Олон улс судлал*. 2013. № 2. С. 43–53.
Budaeva S. V., Bolortuya A. Building Democracy in Mongolia. *Olon uls sudlal*. 2013. No. 2. P. 43–53. (In Russ.)
3. В Монголии впервые в современной истории сменился глава буддийского религиозного центра // Сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19321569> (дата обращения: 15.04.2026)
In Mongolia, for the first time in modern history, the head of a Buddhist religious center has changed // Website of the TASS information agency. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19321569> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
4. В Улан-Баторе День города в этом году перенесен с осени на лето // Сайт видеопортала Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (дата обращения: 15.04.2026)
In Ulaanbaatar, City Day was moved from autumn to summer this year // Rutube video portal website. URL: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
5. Гольман М. И. Индия и Монголия: духовные и стратегические партнеры // Сайт "Новое точное обозрение". URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/07/26/indiya-i-mongoliya-duhovny-e-i-strategicheskie-partnery/> (дата обращения: 15.04.2026)
Golman M. I. India and Mongolia: Spiritual and Strategic Partners // Website "New Eastern Outlook". URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/07/26/indiya-i-mongoliya-duhovny-e-i-strategicheskie-partnery/> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
6. Дацан Гунзэчойнэй // Сайт Санкт-Петербургского буддийского храма "Дацан Гунзэчойнэй". URL: <https://dazanspb.ru/istoriya/dacan-gunzechojnei/> (дата обращения: 15.04.2026)
Datsan Gunzechoinei // Website of the St. Petersburg Buddhist Temple "Datsan Gunzechoinei". URL: <https://dazanspb.ru/istoriya/dacan-gunzechojnei/> (accessed 15.04.2026). (In Russ.)
7. Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии. *Новые исследования Тувы*. 2025. №1. С. 188–197.
Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia. *New studies of Tuva*. 2025. No. 1. P. 188–197. (In Russ.)
8. Лукьянов Ф. У концепции "мягкой силы" истек срок годности // Сайт деловой газеты "Взгляд". URL: <https://vz.ru/opinions/2025/5/8/1331076.html?ysclid=mmhjn9an9680360368> (дата обращения: 15.04.2026).
Lukyanov F. The concept of "soft power" has expired // Website of the business newspaper "Vzglyad". URL: <https://vz.ru/opinions/2025/5/8/1331076.html?ysclid=mmhjn9an9680360368> (accessed 15.04.2026). (In Russ.)
9. Нолев Е. В. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов XIII–XVII вв. *Власть*. 2017. №10. С. 162–166.
Nolev E. V. Concepts of power and statehood in the legal heritage of the Mongolian peoples of the 13th – 17th centuries. *Vlast*. 2017. No. 10. P. 162–166. (In Russ.)
10. Отношения и сотрудничество между Монголией и Бутаном продолжают расширяться и укрепляться // Сайт национального информационного агентства Монголии "Монцэмэ". URL: <https://montsame.mn/ru/read/375575> (дата обращения: 15.04.2026).
Relations and cooperation between Mongolia and Bhutan continue to expand and strengthen // Website of the National Information Agency of Mongolia "Montsame". URL: <https://montsame.mn/ru/read/375575> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)

11. Перед отлетом в Японию Далай-лама дал пресс-конференцию в Улан-Баторе // Сайт Dalailama.com. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (дата обращения: 15.04.2026)
Before leaving for Japan, the Dalai Lama gave a press conference in Ulaanbaatar // Website Dalailama.com. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
12. Пименова Е. Конец мягкой силы? // Сайт "Литературной газеты". URL: <https://lgz.ru/article/konets-muyagkoy-sily/?ysclid=mmhlr34v38148177116> (дата обращения: 15.04.2026)
Pimenova E. The End of Soft Power? // Literary Newspaper website. URL: <https://lgz.ru/article/konets-muyagkoy-sily/?ysclid=mmhlr34v38148177116> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
13. Помелова Ю. П. Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнации в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао. *Общество: философия, история, культура*. 2019. №2. С. 53–57.
Pomelova Yu. P. Religious policy of the PRC to control the process of reincarnation in Tibetan Buddhism during the presidency of Hu Jintao. *Society: philosophy, history, culture*. 2019. No. 2. P. 53–57. (In Russ.)
14. Понька Т. И., Джанаева А. Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс "мягкой силы" Китая. *Вестник РУДН. Серия "Международные отношения"*. 2017. №2. С. 290–300.
Ponka T. I., Dzhanayeva A. E., Zhao Jielin. Buddhism as a resource of China's "soft power". *RUDN University Bulletin. International Relations Series*. 2017. No. 2. P. 290–300. (In Russ.)
15. Рамачандран С. Буддизм как средство налаживания международных связей: опыт Китая и Индии // Сайт Российского совета по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-o/> (дата обращения: 14.04.2026)
Ramachandran S. Buddhism as a Means of Establishing International Relations: The Experience of China and India // Website of the Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-o/> (accessed 14.04.2026) (In Russ.)
16. Родионов В. А. "Мягкая сила" Монголии периода социализма. *Власть*. 2023. №5. С. 245–250.
Rodionov V. A. "Soft power" of Mongolia during the socialist period. *Vlast*. 2023. No. 5. P. 245–250. (In Russ.)
17. Сабиров Р. Т. Возрождение буддизма в Монголии. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 8. С. 68–71.
Sabirov R. T. Revival of Buddhism in Mongolia. *Asia and Africa Today*. 2002. No. 8. P. 68–71. (In Russ.)
18. Сабиров Р. Т. Где "центр" тибетского буддизма в современном мире? *Цырендоржиевские чтения – 2012 (V): Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты*. Киев: Полиграфист, 2012. С. 470–486.
Sabirov R. T. Where is the "center" of Tibetan Buddhism in the modern world? *Tsyrendorzhiev Readings – 2012 (V): Tibetan civilization and nomadic peoples of Eurasia: cross-cultural contacts*. Kiev: Polygraphist, 2012. P. 470–486. (In Russ.)
19. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1. *Российская философская газета*. 2008. №4 (18). Апрель.
Habermas Yu. Post-secular society – what is it? Part 1. *Russian Philosophical Newspaper*. 2008. No. 4 (18). April. (In Russ.)
20. Хомушку А. М. Политическая культура и внешняя политика современной Монголии. *Вестник Тувинского государственного университета. Социально-гуманитарные науки*. №1. 2020. С. 63–73.
Khomushku A. M. Political culture and foreign policy of modern Mongolia. *Bulletin of Tuva State University. Social and humanitarian sciences*. 2020. No. 1. P. 63–73. (In Russ.)
21. Янгутов Л. Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая. *Философская мысль*. 2019. № 10. С. 49–53.
Yangutov L. E. Buddhism as a soft power factor in China's political strategy. *Philosophical Thought*. 2019. No. 10. P. 49–53. (In Russ.)
22. Монгол улсын үндсэн хууль = Конституция Монголии // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 15.04.2026).
Constitution of Mongolia // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (accessed 15.04.2026). (In Mong.)
23. Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль. = Закон Монголии "Об отношениях государства и церкви" // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 15.04.2026).
Law of Mongolia "On Relations between the State and the Church" // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (accessed 15.04.2026) (In Mong.)
24. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. = Концепция национальной безопасности Монголии // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showType> (дата обращения: 15.04.2026)

- National Security Concept of Mongolia // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showTy> (accessed 15.04.2026) (In Mong.)
25. Наран Э. Монгол, Энэтхэгийн "хөрш"-ийн харилцаа. = Монгольско-индийские "соседские" отношения. *Олон улс судлал*. 2011. № 3. С. 44–50.
- Naran E. Mongolian–Indian "neighborly" relations. *Olon uls sudlal*. 2011. No. 3. P. 44–50. (In Mong.)
26. 2020 population – 2020 population and housing census of Mongolia. National report. Ulaanbaatar. 2020. 298 p.
27. Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003.
28. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
29. Haynes J. Religious Transnational Actors and Soft Power, Routledge, 2016.
30. India announces \$1 billion credit line to Mongolia // Сайт The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/india-announces-1-billion-credit-lineto-mongolia/articleshow/47314880.cms?from=mdr> (дата обращения: 15.04.2026)
31. International Religious Freedom or Belief Alliance. URL: <https://www.state.gov/international-religious-freedom-or-belief-alliance/> (дата обращения: 15.04.2026)
32. Introvigne M. Mongolian Buddhism: Under the Shadow of the CCP // Сайт "A magazine on religious liberty and human rights". URL: <https://bitterwinter.org/mongolian-buddhism-under-the-shadow-of-the-ccp/> (дата обращения: 15.04.2026)
33. Soni Sh. Buddhist Linkages between India and Mongolia: Implications for Austral-Asian Region // Сайт "Степь: шаг за шаром". URL: https://mongoloved.wordpress.com/2012/11/02/indo_mongol/ (дата обращения: 15.04.2026)

Информация об авторе

Владимир Александрович Родионов, д-р полит. наук, директор Восточного института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: rodionovva@bsu.ru

Information about the author

Vladimir A. Rodionov, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: rodionovva@bsu.ru

Поступила в редакцию 16.04.2026

Received 16.04.2026

Одобрена после рецензирования 15.05.2026

Approved 15.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026